

Виктор КАЗАКОВ

**КОНЕЦ
СВЕТА**
ПОВЕСТЬ

Виктор Казаков

Конец света

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8886924
Конец света / Виктор Казаков: Книга-Сефер; Москва; 2015

Аннотация

Писатель Виктор Казаков в своих книгах продолжает лучшие традиции русской прозы.

Его повести рассказывают о нравственных поисках поколения, на долю которого выпали судьбоносного масштаба социально-политические и экономические перемены.

Последние годы писатель живет в Праге, откуда с тревогой и болью следит за событиями, происходящими в России.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	22
Глава третья	45
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Виктор Казаков

Конец света

И судим был каждый по делам своим...
Новый Завет

Глава первая Пока всё, как всегда

1.

Тем утром, весной 2006 года, город Обод проснулся, как всегда, рано.

Солнце еще задерживалось за восточными холмами, только чуть-чуть, будто сквозь густой синий туман, подсвечивало кучерявые белые облачка на небе, а по главной улице города в сторону Канала упругой трусцой уже бежал учитель физкультуры местной школы номер два Саня Папиоров. (Для учеников, конечно, он был Александром Николаевичем и, по неискоренимой в школах традиции давать наставникам клички, «Папиром», но в городе, где Папиоров родился и вырос на глазах у всех, большинство взрослых ободовцев с некоторым оттенком необидного панибратства звали его

просто Саней; мы тоже будем называть нашего героя так).

Пять лет назад ко дню, когда Сане исполнилось тридцать лет (педколлектив школы отметил это событие на большой перемене, за пятнадцать минут успев сказать коллеге все, что в таких случаях полагается говорить), директор школы Моисей Борисович Гуревич в областном педагогическом управлении добился на двести рублей прибавки к саниной зарплате, – Саня, как свидетельствует этот факт (очень обрадовавший жену физкультурника Ксению Александровну, учительницу рисования в той же школе номер два), был уважаемым начальством тружеником.

Подписывая приказ о прибавке к зарплате, областное начальство в том же документе пожелало Сане «больших успехов на благородном поприще воспитания подрастающего поколения», но сам Папиров ступеньку, на которую он успел подняться к началу нашего повествования, называл «сугубо временной»; втайне он мечтал в недалеком будущем с этой ступеньки перепрыгнуть на место, которое в большей мере соответствовало бы его природному предназначению, – место это, по словам Папирова, было на «литературном поприще». Желание утвердиться на «поприще» несколько лет назад подогрела в нем местная газета «Ничего кроме правды», опубликовавшая мемуары учителя «Как мы два дня стояли в Москве у Белого дома». С этого времени ободовцами, проявлявшими интерес к политике, Папиров почитался не только как уважаемый начальством педагог-спортсмен, но и как

местный *прораб перестройки*.

В свободное от уроков время Саня писал «детективно-политический роман» (так он сам назвал жанр своего произведения) «Золото партии». Большое количество строк романа уже аккуратно хранились в трех толстых тетрадочках, но там пока не было предложения, которое задавало бы всему произведению нужный настрой и ритм, – предложения первого, над сочинением которого Саня безуспешно ломал голову вот уже несколько последних дней...

Минуты, отведенные утренней пробежке, были для Сани лучшими минутами суток, ибо в это время во всем теле ощущалась, как любил говорить физкультурник, «мышечная радость», а кроме этого в отдохнувшую во сне голову приходили разные мысли и метафоры.

Но сегодня настроение у Сани было плохое.

Два дня назад в квартире, вечером, незадолго до той минуты, когда надо было включать телевизор, чтобы послушать последние политические новости в стране и за рубежом, у него с женой произошел такой несвоевременный и ненужный разговор:

– Ты, Саня, – поджав губки и тем самым сделав лицо постаревшим, некрасивым и даже противным (о, как не нравилась Сане эта дурацкая гримаса!), сказала жена, – уже целый час зря лежишь на диване, а мусор, два ведра, между прочим, не вынес. Может, хватит отдыхать?

В ответ Саня, не вставая с дивана, объяснил:

– Когда рядовой рабочий, Ксюша, лежит – он отдыхает, а мы, писатели, в это время, может, мучаемся.

Саня в ту минуту и в самом деле пытался отшлифовать в голове никак не дававшееся ему первое предложение романа «Золото партии». А вчера в тот же час суток, когда ведра с мусором по-прежнему оставались в кухне, а Саня, наморщив лоб и глядя в потолок, лежал на том же диване, учительница рисования снова некрасиво поджала губки:

– Опять мучаешься, Саня?

Чувствительное сердце физкультурника на те *змеиные* слова отозвалось учащенным пульсом, который пятнадцать минут не приходил в норму...

«Кажется, надо что-то радикально менять в семейной жизни», – вспомнив вчерашнее, подумал Папиров, но в эту же минуту он вдруг ощутил в теле очередной прилив мышечной радости и ускорил бег. Каждое утро Саня пробегает трусцой три километра; когда температура воды в Канале поднимется на два-три градуса, на финише своей трассы, стянув с потного тела трикотажный тренировочный костюм, физкультурник взбодрит себя еще и водной процедурой.

2.

Саня подбегал к берегу Канала, когда в однокомнатной холостяцкой квартире пенсионера Павла Петровича Грушина на письменном столе загорелась укрытая зеленым абажу-

ром яркая лампа. Сам Павел Петрович, включив лампу, сел в жесткое кресло и взял в руки шариковую ручку.

В семьдесят три года возраст человека должен уже заметно давить на плечи, но Павел Петрович этого давления пока не чувствует и твердо верит, что у него достанет сил, чтобы осуществить, может быть, последний в жизни крупный и важный замысел.

Грушин высокого роста, худощав. Его большие черные глаза еще не притушило время, они чем-то напоминают цыганские, но, как и подобает многим русским, пенсионер круглолиц и курнос. Окончив московский университет, Павел Петрович в молодости преподавал в столичной средней школе, в восьмидесятые годы сблизился с одним полубогемным кружком, где *подозрительно* разговаривали о политике, «делом» кружка своевременно заинтересовалась госбезопасность, и Грушин некоторое время провел в психиатрической больнице. Потом Павел Петрович уехал в Обод, до пенсии опять работал в школе. Был (еще в Москве) женат, но, не обзаведясь детьми, давно развелся. О жене никогда не рассказывал, только однажды при случае вздохнул: «Слишком много я потратил на нее времени»...

Мысль создать о городе «документ» – так сначала Петр Петрович назвал жанр своей будущей книги – возникла у пенсионера не вдруг, не так, как возникает замысел у тех творческих людей, которых внезапно *осеняет*. Мысль эта подступала к нему постепенно в течение, может быть, по-

следних десяти лет; может, первые симптомы зарождающегося, еще неясного сюжета он ощутил и раньше – сначала как возможное приятное хобби, как *второстепенное* занятие человека, который, дожив до пенсии, получил законное право уже «не подчинять личное общественному», а делать что-то необременительное по затратам сил и приятное для души. Но по мере того, как в мыслях (пока только в мыслях!) созревал «документ» (со временем названный просто «Летописью»), все яснее приходило понимание, что книга будет делом трудным, но и самым значительным и интересным из всего, что он когда-либо делал в жизни.

К тому раннему весеннему утру, когда мы застали «летописца» сидящим за письменным столом, Павел Петрович уже проделал немалую *предварительную* работу – изучил справочники и разных лет энциклопедии, съездил в архивы; для будущей книги завел папку *заготовок* и уже положил в нее с десятков страниц.

С одной из *заготовок*, как образец пера Грушина, познакомим читателя.

«Город Обод расположился в средней части России, ближе к Нечерноземью и далеко от морей. В городе есть все, что обычно бывает в малых отечественных городах – несколько магазинов, баня, школы, больница, небольшая промышленность... Центральная улица застроена крупнопанельными домами в три этажа, есть один дом в пять этажей, по бо-

кам остальных улиц стоят частные дома, возле них небольшие участки земли огорожены заборами.

В последние два десятилетия к внешнему облику города, сформировавшемуся в социалистическую эпоху, добавились некоторые штрихи первоначального капитализма. Например, самым высоким в городе домом многие годы было построенное по специальному проекту здание горкома партии. Теперь этот трехэтажный дом с большой клумбой цветов у входа занимает городская администрация, но он уже не возвышается над городом – выше всех строений устремлен в небо недавно сооруженный кирпичный коттедж владельца местного ресторана «Шумел камыш» Роберта Егишевича Петросяна.

На западной и восточной оконечностях Обода несколько лет назад были построены новые одноэтажные здания двух небольших казино. Кому они принадлежат, известно только главному городскому администратору Петру Ивановичу Мыслякову, который *разрешал* открыть заведения. Хозяев же казино в городе никто не видел, а в освещенных люстрами и бра залах работают – охраняют имущество и порядок, обслуживают пивом и бутербродами, включают-выключают громкую попсовую музыку – второстепенные широкоплечие «братки», как видно, еще не успевшие накопить, как они говорят, «бабло», чтобы открыть самостоятельное «дело». Все они, получив на то разрешение Петра Ивановича Мыслякова, купили в городе участки земли, на которых уже постро-

или крепкие дома.

Казино пока зарабатывают мало. Молодежь сюда иногда заходит, чтобы выпить кружку чешского пива и проиграть «однорукому бандиту» двадцать – тридцать рублей, но в целом посетителей бывает мало, и не потому, что жители города неазартны. Азарт требует денег, а их у большинства ободовцев нет».

(Заметим в скобках: за те дни, в течение которых не лучшую часть своей жизни проживут герои нашей повести, Павел Петрович для задуманной им книги напишет только несколько страниц; поэтому мы и в дальнейшем в ряде случаев, когда посчитаем нужным сослаться на авторитетное свидетельство «летописца», станем обращаться к его прошлым заготовкам).

Приведенная выше заготовка сначала предназначалась для начала книги, но, уточняя замысел, Павел Петрович в конце концов решил пойти традиционным для всех летописцев путем – решил начать «Летопись» с рассказа об истоках – «откуда есть пошел город Обод».

Сегодня он напишет первую *чистовую* страницу книги...

Из пачки белых листов бумаги, лежавших в дальнем левом углу письменного стола, Павел Петрович взял верхний лист, несколько секунд нерешительно, будто боясь нарушить целомудренную чистоту бумаги, всматривался в него, нако-

нец, мелким и аккуратным почерком стал писать:

«Город Обод возник не так, как возникали на земле древние города. У тех начала были, примерно, одинаковыми: пришли люди, увидели: чистый родничок споро бьет из-под заросших травой камней, под ногами – обещающая кормить земля, в лесу четвероногое зверье затаилось, с любопытством недоверчиво поглядывает из-за толстых деревьев на незваных, с неизвестной, но скорее недоброй целью прибывших соседей. Вождь племени, наверно, созвал всех и учинил совет, а, может, решил вопрос и единолично, как подобало тогда самому сильному в коллективе: «Здесь...». И срубили бородатые мужчины первое дерево, выкопали первую траншею под фундамент, нашли глину, и поплыл в небо дымок из теплых труб... Наш город строился не в те смутные для исторической науки годы, когда люди еще не знали сословий, партий, не разделялись по количеству накопленного добра, а жили общим желанием не погибнуть самим, уберечь и приумножить семьи.

Обод возник в эпоху, когда в одной отдельно взятой стране в силу простодушия, привычки жить «на авось» и нежелания ломать голову над вопросами, на которые не сразу находились ответы, в силу десятка других особенностей народа, населявшего тогда огромную часть Европы и Азии, одержал победу и уже никого не опасался Дьявол».

Грушин бросил взгляд на начало страницы, перечитал написанное, почесал пальцем кончик носа и удовлетворенно хмыкнул: «витиевато, но в целом, кажется, неплохо»... И через минуту на бумагу уже опять ложились мелко написанные аккуратные буквы...

Пожелаем Грушину дальнейших творческих успехов и на некоторое время оставим его за письменным столом, – для работы, которой он сегодня занят, человеку нужны покой и одиночество.

3.

С восходом солнца проснулись, торопливо захлопотали на кухнях те ободовцы, которых основоположники самого правильного мировоззрения когда-то объявили могильщиками капитализма и представителями самого прогрессивного класса общества. Их стараниями не до конца разрушившаяся за годы *перестройки* местная промышленность (впрочем, достаточно скромная в Ободе и до разрушения) сделает сегодня очередной скромный шаг к возрождению.

В семь часов Тамара Шамовная, на ходу охорашиваясь и старательно обходя выцветшие скамейки, торопливо пересекала главную площадь города, чтобы сократить путь и не опоздать на табачную фабрику, где она работала *набивщицей* в цехе сигарет «Памир»; зарабатывала немного, но денег хватало на еду и себе, и мужу Эдику – изобретателю вечного

двигателя.

Сам Эдик, в прошлом году начавший сесть тридцатипятилетний инженер-энергетик, проводив жену на работу, плотно закрыл входные двери малогабаритной двухкомнатной квартиры, темными шторами занавесил окно в своей комнате и, как во все дни в течение последних пяти лет, сел за занимавший половину комнаты собственными руками изготовленный кульман, чтобы вычертить очередной вариант пока, к сожалению, никем не признанного изобретения.

Суть своего вечного двигателя Эдик не раз пытался объяснить разным научным инстанциям и общественности – через научную и популярную печать, отечественную и зарубежную, но отовсюду получал, примерно, одинаковые ответы: вечные двигатели нас, уважаемый господин Шамовный, не интересуют. Единственный печатный орган, который опубликовал присланное Эдиком письмо, была городская газета «Ничего кроме правды», которая и донесла до ободовцев простую, как все гениальное, мысль Шамовного.

«Природа, – популярно объяснял Эдик, – кладовая вечной энергии: в ней беспрерывно происходит *броуновское движение* (смотри в энциклопедиях: «беспорядочное движение мельчайших частиц, взвешенных в жидкости или газе, под влиянием ударов молекул окружающей среды»)). Надо, растолковывал недогадливым современникам Шамовный, это бесполезное движение поставить под контроль, сделать управляемым – в нужном человечеству направлении.

«Мною сооруженные «ящики» – так условно я назвал аппараты вечного управляемого движения – пока идею не подтвердили, но дали и положительный результат: я убедился, что сделать *работающий* «ящик» в примитивных домашних условиях невозможно, для этого необходимы сложные электронные приспособления, изготовить которые можно только в специальных лабораториях на заводах военно-промышленного комплекса»... Эдик просил государство учесть его не преодолимые в домашних условиях трудности и помочь ему экспериментально подтвердить безусловную правильность идеи. Государство на просьбу Шамовного пока не откликнулось.

Сегодня после ухода на работу жены Эдик обнаружит очередную ошибку в своих сложных расчетах и до обеда будет искать решение, как ее исправить.

4.

Солнце уже оббежало половину восточного горизонта, уже щедро грело улицы и крыши Обода, когда ко второму подъезду единственного в городе пятиэтажного дома подошел модно одетый – мягкая широкополая шляпа, длинный зеленый пиджак, красный галстук... – контрабасист струнного оркестра «Белый танец» из областного ресторана «У веселой Маруси». Областной центр К. от Обода был недалеко, всего в двадцати километрах, поэтому музыкант на работу

уезжал на автобусе после обеда, а ночевать, если не оставался у очередной поклонницы, обычно возвращался к родителям – в Обод. Город гордился популярным земляком и звал *шоумэна* Саша Жигулевский – так имя контрабасиста печаталось на афишах, – хотя все знали, что в паспорте у Саши написано «Василий Шопин».

Увидев у подъезда музыканта, домохозяйки из пятиэтажки и стоявших напротив соседних домов открыли окна и высунули на свежий воздух свои еще не до конца причесанные головы. По прошлому опыту и в силу определенным образом натренированной интуиции они догадывались, зачем в этот час появился у дома Вася Шопин и какой разговор – только минуточку терпения, бабы! – им удастся услышать в это утро.

Сцена продолжилась так, как и подсказывала домохозяйкам интуиция.

– Эй, Женя! – задрал голову к чердаку дома, позвал Саша своего друга, художника-импрессиониста Евгения Недовинченного (это, конечно, тоже был псевдоним, настоящей фамилии художника, пять лет назад неизвестно откуда появившегося в Ободе, никто в городе, как и мы, не знал).

Круглое окно под крышей неохотно открылось, высунулась лохматая голова ободовского импрессиониста.

– Чо будишь, мудака?

Жигулевский рупором приставил ладони ко рту:

– Выходи, мазила!

– Было б ради чего...

Контрабасист оглянулся по сторонам и, не опуская голову и «рупор», только на целую терцию понизив голос, прокричал:

– У меня есть две книжки! У них красивые обложки! Мы их будем читать!

Художник ту информацию легко перевел с эзоповского языка на не вполне нормативный русский и, попросив друга подождать две минуты, втянул голову в окно.

5.

Импрессионист Недовинченный с чердака пятиэтажки спускается к своему другу-музыканту, а уже знакомый нам пенсионер Грушин все еще сидит в кресле у письменного стола. Его ручка в эту минуту покоится на исписанном листе бумаги, а сам Павел Петрович, откинувшись на спинку кресла, мелкими глотками из своей любимой керамической чашечки пьет только что сваренный им кофе.

Он только что закончил первую главу своей «Летописи», рассказал об истоках – как, когда и при каких обстоятельствах возник город Обод.

«Весной 1935 года к месту, на котором вскоре и расположится город, прибыли первые строители... нет, еще не Обода, а одного из участков крупнейшего в стране рукотворно-

го сооружения – Канала. Строителей привезли рано утром на крытых брезентом грузовиках, все они были в одинаковой грубой одежде, их охраняли вооруженные солдаты и несколько все время лаявших собак-овчарок.

На другой день на этом месте уже забивались колышки, тянулись маркировочные шнуры, сверкали на солнце лопаты, а в обе стороны от еще никак не обозначившегося русла будущего Канала по узким «тротуарам» – танцевавшим на неровном грунте доскам – скрипели первые нагруженные сырой глиной тачки.

Вырубив в лесу некоторое количество сосен, зэки построили начальству и охране большой дом у подножья холма, а сами стали жить на берегу Канала в парусиновых палатках, окруженных колючей проволокой и вышками часовых.

...К концу лета началось сооружение шлюза. Потребовалось много бетона. На стройку, по проложенной к участку специальной узкоколейке, завезли цемент, песок же, после несложной геологической разведки, стали добывать на месте – разрыли большой желтый карьер. Для этого вырубili и раскорчевали гектар леса, а через месяц – еще один гектар, потому что карьер потребовалось расширить: старая его часть к этому времени настолько углубилась, что поднимать песок с его дна тачечники уже были не в силах.

Подступала осень, тонкую латаную ткань палаток по ночам все чаще стал припорашивать снег. Правда, днем он таял, но руководство участка забеспокоилось: с приходом зи-

мы из-за не качественного ночного отдыха, не восстанавливающего сил «контингента», на стройке может снизиться производительность труда, а это не позволит выполнить утвержденный в высоких инстанциях график строительства. Чем это закончится, хорошо знали и начальник участка капитан госбезопасности Гефейсман и его ближайшие помощники. Поэтому решено было палаточный лагерь снести, а всех строителей переселить к уже заброшенной части карьера, где зэки выкопают себе сухие (песок!) землянки и установят в них железные печки, сделанные из уже завезенного на стройку листового металла.

К середине декабря вокруг карьера вырос небольшой поселок.

Он и положил начало нашему городу.

Землянки и лес, когда-то стеной стоявший вдоль берегов Канала, до наших дней не сохранились. Исчез и карьер – как и палаточный лагерь, новое жилье строителей было обнесено «колючкой» и охранялось часовыми, поэтому бытовые отходы обитатели поселка ссыпали и сливали прямо на дно карьера – пока его не засыпали...

Рассказывают, высокое руководство, пролетая однажды на «кукурузнике» над трассой строящегося Канала, на одном из участков увидело желтый карьер с обрамлявшими его черными крышами землянок и подивилось: «Похоже на обод колеса». Так и окрестили поселок – Обод.

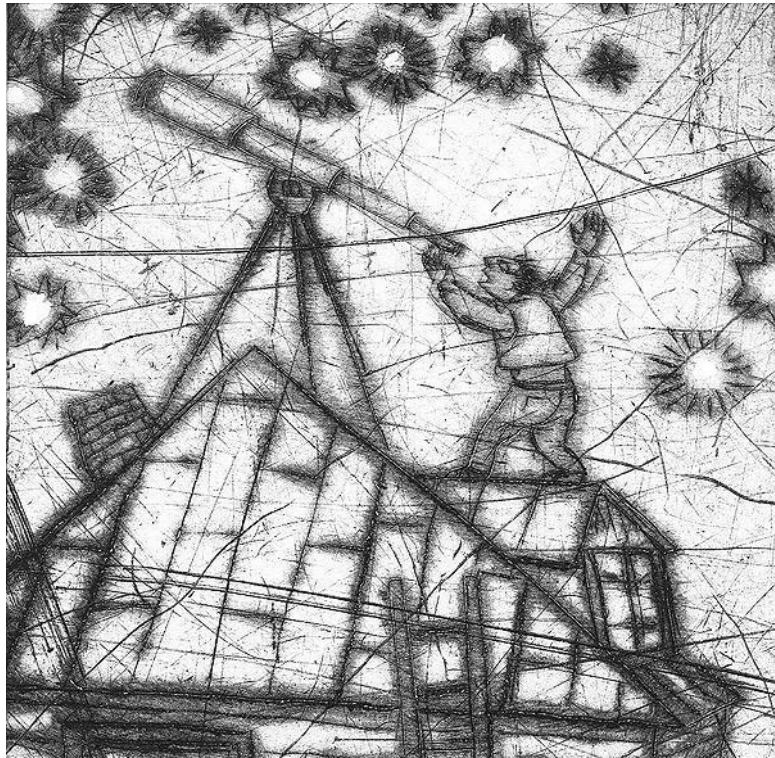
С окончанием строительства старые землянки опустели,

быстро разрушились, заросли чертополохом, на их месте потом еще лет пять стояли несколько бревенчатых изб, окруженных пыльной крапивой, лебедой и полынью. Кто построил эти дома и как в них сложилась довоенная жизнь, доподлинно мне не известно – никаких следов об этом не сохранилось (слышал я, впрочем, легенду, что это жильё построили для себя закончившие службу в армии бывшие охранники заключенных; все они, отпраздновав новоселье, вскоре поумирали от неизвестной медицине болезни). Пустые, стареющие дома служили приютом охотникам, любителям отдыхать на природе и просто бродягам».

Так по-академически спокойно, с неизбежной для документальных произведений скучноватостью начиналась «Летопись» Грушина. И, возможно, еще не на одной странице Павел Петрович так же неторопливо продолжал бы выкладывать кирпичики-годы жизни Обода, если бы...

Если бы вечером в тот день, с которого мы начали рассказ, в город не пришли *последние известия*, которые нарушили и затворничество «летописца», и академическую обстоятельность его книги.

Нарушили всю жизнь города!

Глава вторая

Конец света?

1.

Новость ободовцы узнали по телевизору. В отличие от прошлых *государственных* новостей, касалась она не законов или постановлений московских властей, а была, как своевременно выразится самый умный в городе человек парикмахер Лева Кваш, «вне человеческой компетенции»: где-то во Вселенной, как обнаружил один большой ученый высокоразвитой страны, оторвался и с космической скоростью помчался в сторону Земли огромный кусок какой-то далекой и простым глазом невидимой планеты. Ободовец-пенсионер Иван Геман, в былые годы в местном дворце пионеров руководивший кружком юных астрономов, сопоставив и проанализировав рассказы смотревших ту вечернюю телепередачу (сам он во время передачи сидел на крыше дома и в школьный телескоп разглядывал на небе Млечный путь), все утро на следующий день что-то чертил у себя на письменном столе, потом пришел на кухню, где по поводу завтрака хлопотала его сожительница Анна Семенных, и доверительно сообщил ей:

– Вектор движения «куска» совпадает с направлением на Обод.

Анна Семенных не знала, что такое «вектор», но мысль сожителя поняла правильно и в тот же день, комментируя мысль своими словами, по секрету пересказала ее на улице своей сопернице Анжелике Дрозд (к которой по старой привычке иногда захаживал переночевать неутомимый Иван Геман). На языке легкомысленной Анжелики секреты долго не залеживались...

И когда всем стало известно *уточнение* Гемана, новость не на шутку растревожила вдруг притихший город.

2.

Хозяин местного ресторана «Шумел камыш» Роберт Егишевич Петросян, сидя в кожаном красном кресле возле камина в большой комнате недавно построенного коттеджа, советовался с женой, рыхлой толстушкой с широко расставленными черными глазами дикой кошки, сидевшей напротив мужа в другом таком же кресле:

– Может, Мара, пора переводить деньги в швейцарский банк?

Из *заготовок* Грушина: «Бывший директор закрывшегося с началом *перестройки* местного кожсырьевого завода Роберт Егишевич Петросян восемь лет назад купил у государ-

ства ободовское кафе «Дружба» и капитально отремонтировал вконец обветшавшую покупку. Так в городе появилось первое частное предприятие – ресторан «Шумел камыш».

За кассовым аппаратом в большом зале ресторана сейчас каждый день сидит жена Роберта Мара, особа гордая и, как говорят о ней в Ободе, «жадная до денег», но никогда не обсчитывающая. О ней, между прочим, рассказывают: когда будущая жена Петросяна еще в девичестве жила в Армении, она любила ходить в горы, руками ловила змей, плевала им в рот, змеи тут же подышали, а Мара из добытой шкурки делала женские браслеты... Сам Роберт Егишевич, выполняя разнообразные обязанности хозяина, работает еще и главным поваром ресторана; готовит вкусно, блюда его острые, в основном мясные. Вегетарианцев Петросян не любит, называет их людьми «нетрадиционной ориентации», хотя и для них всегда может приготовить *нечто* из одуванчиков, липовых листьев и каких-то еще зеленых даров природы, которые, как он уверяет, растут только у горы Арарат – с той стороны подножья, с какой на гору в свое время поднимался ковчег Ноя.

У Петросяна можно вкусно поесть, попробовать разных заморских, европейских и из *ближнего зарубежья* вин, выпить чистой водки или настоящего армянского коньяка, а также послушать музыку. Аккордеонист Иван Анциферов, работавший когда-то в ободовском детском садике, сейчас «ровно в девятнадцать ноль-ноль» (так написано в рекламе ресторана) вместе со своим стареньким инструментом фаб-

рики «Красный партизан» садится на небольшое возвышение в главном зале рядом с большой пальмой в деревянной выкрашенной охрой кадке. Исполняет он музыку разных народов, любит старые русские и цыганские романсы, мелодии на популярные слова поэтов эпохи *нэпа* и *гулага*, а по заказу играет все.

Двух официантов, до переезда в Обод живших в горах Армении, Петросян по совету жены выбрал из состава многочисленных родственников Мары. Ребята молодые, красивые, но малограмотные, впрочем, в пределах сумм, потратить которые в ресторане позволяют себе горожане, считать могут. Сам Роберт обучил официантов первоначальным правилам культурного обслуживания клиентов, а «работать так, как работают в ресторанах Монте-Карло, – сказал он им перед первым выходом родственников в зал, – научит вас жизнь – если, конечно, вы, как настоящие армяне, не дураки».

«Монте-Карло» сказано было для красного словца – Петросян в Монако никогда не был, все его личные впечатления о загранице ограничивались увиденным в Монголии, куда он еще в советское время ездил в составе делегации специалистов по первичной обработке кож. Посмотреть на жизнь в Монте-Карло уже много лет было главной мечтой хозяина ресторана «Шумел камыш», впрочем мечта эта в последнее время стала прорисовываться яснее и конкретнее».

Итак, Роберт Егишевич спросил жену Мару:

– Может, Мара, пора переводить деньги в швейцарский банк?

Мара, как всегда в последнее время в разговорах с мужем, возразила:

– А Швейцария что – на другой планете?

– Но там все-таки горы...

– От гор одни дополнительные осколки.

Петросян долго молча глядел на огонь в камине, вспоминал, какой доброй и ласковой была жена в те годы, когда он еще был простым директором кожсырьевого завода, потом тяжело и грустно вздохнул:

– Так что же делать, Мара?

– Ничего! И вообще, – когда у Мары возникало желание уязвить мужа (а подобные желания у нее теперь почему-то появлялись все чаще), она от самого незначительного факта легко переходила к самым широким обобщениям, – чем меньше ты, Роберт, что-нибудь делаешь, тем больше у нас в кассе денег.

Слова были несправедливыми и в другое время стали бы поводом для очередного вялого семейного скандала, но Петросян на этот раз в ответ только надул нижнюю губу и промолчал.

– О душе пора подумать, Мара, – после долгой паузы покачал головой, потом опять тяжело вздохнул вдруг почувствовавший себя утомленным жизнью владелец ресторана «Шумел камыш».

3.

А в сорок третьей квартире дома номер шесть по улице Коммунистической, переживая новость, тревожились, как еще недавно пели, «сначала о родине, а потом о себе».

На другое утро после *той* передачи, плотно позавтракав, выпив за завтраком, как всегда, *фронтовые сто грамм*, полковник внутренних войск в отставке Борис Григорьевич Луцкер в полной военной форме сидел на стуле перед выключенным телевизором, держал в руках недавно купленную в местном магазине «Новинки современной литературы» книгу Соломона Дрислера «Мат в Вооруженных Силах» и трудный вопрос жены Муси «чем *это* может закончиться?», оторвавшись от книги, разъяснил коротко:

– Кончится плохо.

Муся представила себе, как «плохо» будет реально выглядеть не только в Ободе, а и в самой Москве на Арбате (жена Луцкера была москвичкой «из очень интеллигентной семьи», как она часто любила напоминать в разговорах со своими ободовскими собеседницами), и, прижав ладони к вдруг сильно запульсировавшим вискам, робко предложила:

– Надо, Боря, писать президенту – что он думает...

Полковник отбросил исследование Дрислера на стоявший рядом с его стулом диван и некрасиво скривил рот, что исказило его мужественный облик:

– Отставить!

И, уже мягче, уточнил мысль:

– Узнаем, что он думает, и что дальше?

– Может, подскажем что-нибудь...

– Подскажи ему, как российских миллиардеров, разворовавших Россию, к ногтю покрепче прилепить! – стальным басом, каким Борис Григорьевич когда-то разъяснял новобранцам краткую суть марксистско-ленинского учения, отрубил полковник.

Муся слова мужа и интонации, с какими они были сказаны, расценила как непозволительную в интеллигентной семье грубость, поэтому на целую минуту рассердилась, поджала губы и, как всегда в таком состоянии, в разговоре с мужем перешла на «вы»:

– Боря, не уходите от темы...

4.

Не все в Ободе вовремя осознали степень нависшей над городом опасности. Например, рабочие местного швейного комбината молодожены Коля Топалов и Зина Комчатская, жившие в законном браке в однокомнатной квартире двухэтажного дома по улице Созидателей, о приближающемся к городу космическом обломке размышляли легкомысленно и даже весело – может быть, потому, что к моменту размышлений они уже выпили купленную по дороге с работы бутыл-

ку водки и сытно закусили яичницей из шести яиц.

Оба сидели рядом на продавленном, во многих местах вытертом до пружин диване, отдыхали.

– Я лично, Зина, – пуская в потолок густой дым дешевой сигареты, говорил Коля, – прилет «куска» почему-то даже приветствую.

– Да, Коля, чем такая жизнь... И все-таки даже такая жизнь, Коля, лучше, чем в холодную-то землю.

– А земля прогреется, – Коле от придуманной им остроты вдруг захотелось засмеяться, но от дыма сигареты он закашлялся: – «Кусок», к-хе, к-хе, говорят, миллион градусов, к-хе, по Цельсию! Не трусь, Зина! Сбегай лучше в магазин за водкой!..

Оба они, и Коля, и Зина, недавно посетили кабинет секретаря городского комитета партии коммунистов Сидора Захаровича Зуева, которому радостно сообщили, что они, наконец, созрели для вступления в партию, «которая, напомнила секретарю Зина, есть ум, честь...» и т. д. Секретарь, однако, в искренность и зрелость молодоженов не поверил, заявления принять отказался, а на просьбу Зины «объяснить мотивы», объяснил:

– Мне не внушает доверие ваш моральный облик.

И Сидор Захарович был, похоже, прав.

Самого Зуева сообщение о «куске» очень взволновало. Выслушав телевизионное известие, секретарь ощутил в груди опасно ускорившееся сердцебиение и холодок под ложеч-

кой, в результате чего он даже на всякий случай перекрестился. Но («нет худа без добра!», – любил Сидор Захарович при случае черпать мудрость у народа) информация оказалась и полезной, потому что помогла секретарю в одном срочном и важном партийном деле. В тот вечер Зуев, сидя дома, долго не мог придумать повестку дня очередного городского собрания единомышленников, сердился на себя и вздыхал о прошлом: «Легко было раньше: «Решение обкома от ... и наши задачи»; «Указания ЦК по поводу ... и наши задачи»... А сейчас? Крути мозги...». Информация о возможной космической агрессии подсказала секретарю долго не приходившую в голову формулировку: «Сообщение центрального телевидения от ... и наши задачи». На *проект постановления* времени ушло меньше: сначала Сидор Захарович машинально написал «одобрить», тут же, конечно, зачеркнул, как зачеркнул и компромиссное «принять к сведению»; наконец, опробовав десяток других вариантов, нашел формулировку краткую и полезную: «Ускоренными темпами заплатить членские взносы».

5.

Из квартир ободовцев перенесемся, читатель, на городской рынок, где у Степы Замойского стоит собственная будка – в дни *перестройки* на собранные к тому времени деньги (пришлось еще продать мотоцикл «Восход» и одолжить

у тещи тысячу рублей) Степа купил у государства ставший государству ненужным газетный киоск. Конечно, новый владелец будки не собирался торговать в ней ни коммунистической, ни патриотической, ни демократической прессой. На другой день после покупки он молотком и зубилом лихо сбил заржавевшую надпись «Союзпечать» и тем же молотком длинными гвоздями над большим окном прибил новую вывеску: «Продается ВСЁ». Когда горожане интересовались у Степы, не слишком ли он *загнул* с содержанием вывески (некоторые ободовцы даже спрашивали, не вложил ли он в содержание *внутриполитический* смысл), Степа с уже появившимся в нем к этому времени нахальством уверенно объяснял: «В моей торговой точке есть всё, чтобы удовлетворить ваши любые ограниченные потребности». И говорил правду: не случилось еще, чтобы кто-то из жителей города не нашел бы в киоске то, что вдруг потребовалось купить; в любое время суток у Степиной жены Мани можно было приобрести любую водку, любые вина – даже южноафриканские, хлеб, пирожки, пельмени, соленую капусту, маринованные огурцы, а также промтовары: гвозди, напильники, бритвы, джинсы, куртки, штопоры трех модификаций для открывания бутылок, лыжи, заготовки для ключей...

Лавка приносила скромную, но стабильную прибыль (осваивая язык *новых русских*, Замойский в разговоре с женой остававшиеся в кассе деньги называл «наваром») – несмотря на то, что некоторую часть выручки Степа отдавал

двум рэкетирам – бывшим чемпионам города по боксу.

...На другой день после телевизионного сообщения о возможной встрече Земли с «куском» из космоса Степа досрочно снял с работы Маню, на большое окно повесил стальные решетки и закрыл будку на длинный обеденный перерыв, во время которого решил вместе со своим другом грузчиком овощного магазина Кешей Плаксиным подлечить водкой вдруг сильно расшалившиеся нервы и *обсудить ситуацию*.

Кеша пришел вовремя.

Сели напротив друг друга на две низкие скамейки; между скамейками уже стояла застеленная газетой табуретка, на которой лежал большой ломоть хлеба и стояли блюдце с огурцами, бутылка водки, два граненых стаканчика и открытая банка жирной свиной тушенки. Из банки торчали две легкие алюминиевые вилки.

Степа невысоко над головой поднял стаканчик, гость его поступил так же, и оба в один миг молча опрокинули стаканчики в рот.

Проглотив водку, Степа недовольно поморщился:

– Странная закономерность: жизнь в государстве начинается портиться с водки.

На душе у Степы было мерзко; тяжелые предчувствия со вчерашнего вечера беспокоили сердце. Степе хотелось пожаловаться на нелегкую, непонятно еще, чем вот-вот готовую обернуться жизнь, и только гордость не позволяла ему

делать это торопливо, в самом начале сегодняшней встречи с другом.

– Водка не портится, – пожав плечами, возразил нечуткий Кеша.

Степа рассердился:

– Дурак ты, Кеша. Помнишь, когда-то продавали «столичную», «сучек», «коленвал», «андроповку» – и все по разной цене. А почему? Ты думал об этом?

– Думал, – примирительно ответил Кеша и сказал неправду: он не различал водку по вкусовым признакам, любил пить любую, а от той, что *драла горло*, ему даже быстрее становилось интереснее и веселее жить.

Выпили по второму стаканчику.

Поставив свой стаканчик на газету, Степа, наконец, потупил взгляд в дальний угол будки, где стояла бочка соленой капусты, и заговорил о главном:

– Слышал вчера?

– Слышал.

– Неужели правда: п...ц всем? – Степа не дал другу времени, чтобы ответить, и, все больше распаляясь обидой по поводу грядущей из космоса несправедливости, в сердцах продолжал:

– Значит так: мало нам революций, коллективизаций, войн, голода-холода, «гекачепе», шоковой терапии... Мы еще должны увидеть, когда всем п...ц? Чтобы на другой день на том Свете рассказывать: интересно было, товарищи и

господа; кроме нас, такого еще никто не видел даже в японской Хиросиме!

– Погибнут культурные ценности, – вздохнув, заметил Кеша.

Он уже слегка захмелел, а в таком состоянии Кеша начал мыслить масштабно.

Степа же, захмелев, напротив, начинал думать узко и эгоистично:

– Значит, все, для чего я карачился, все это теперь куда? Коту под хвост? Негру в жопу? И ничего уже нельзя предотвратить? – он в упор сердито посмотрел на друга, как будто Кеша, а не кусок агрессивной планеты угрожал в ту минуту Степиному благополучию.

Кеша посчитал минуту подходящей, чтобы тоже поделиться наболевшим.

– Если бы ты, Степа, – сказал он, – добавил тогда к моему первоначальному капиталу некоторую сумму...

– И что было бы? – перебил Степа.

Кеша вздохнул, поднял глаза к потолку будки, внимательно осмотрел на потолке все неровности и только после этого ответил – сказал совсем не то, что собирался сказать:

– Было бы у нас с тобой, может, совместное предприятие.

Степа снисходительно посмотрел на друга, а Кеша мстительно продолжал:

– Конечно, вам, олигархам, тяжелее всех придется...

Он завидовал Степиному богатству, а чтобы успокоить со-

весть, с некоторых пор стал убеждать себя, что Степа разбогател не по правилам, а потому было бы справедливо, если бы он любую половину нажитого добра отдал ему, своему лучшему другу.

Степа уловил в душе Кеша шевеление злого червя и в отместку больно щелкнул собеседника по носу:

– Я тебе, Кеша, денег и тогда не дал, и сроду не дам. Разве что на опохмелку – чтоб долго не мучился.

– Почему?

– Бесполезно. Деньги ты умеешь только тратить, а зарабатывать можешь одним способом.

Как ни сердит был в ту минуту Степа, он вдруг улыбнулся, потому что вспомнил про Кешин «первоначальный капитал», к которому он «тогда», несмотря на отчаянные просьбы друга, действительно, ни копейки не добавил.

Кеша сочетал в себе два взаимно уничтожающихся свойства: он любил деньги и любил выпить. Поэтому денег у него никогда не было, а неудовлетворенная любовь к ним оборачивалась завистью к тем, кто угощал его водкой и при этом, как бы крепко ни угощал, еще и на будущее сохранял в кошельке некоторую сумму. Зависть, конечно, больно жгла душу грузчика овощного магазина, но жила в нем, так сказать, подпольно, на людях была смиренной и неагрессивной – Кеша боялся, что, распахни он до конца душу, благодетели перестанут его *угощать*...

Но однажды у Плаксина появились и на некоторое время сохранились собственные деньги – Кеша честно заработал (правда, нетрадиционным способом, о котором сейчас ему и напомнил Степа) приличную для него сумму.

Дело было несколько лет назад. На берегу небольшой речушки, спрятанной посреди густого ельника (в двадцати километрах от Обода), сидели с удочками человек восемь ободовцев, среди которых были и Степа Замойский, и Кеша Плаксин. Окуни и подлещики, водившиеся в речушке, к обеду клевать перестали, сидеть без дела стало скучно, и компания собралась пообедать – в рюкзаках еще оставались несколько бутылок водки и кое-какая снедь. Устроились в тени старой ели, в нескольких метрах от большого муравейника.

И во время того обеда одному из рыбаков пришла в голову и тотчас же была озвучена шаловливая идея:

– Кто без штанов сядет вот на этот муравейник и просидит там пятнадцать минут, получит ведро самогонки!

Идею со всех сторон заинтересованно обсудили и единогласно одобрили; потом все почему-то стали внимательно смотреть на Кешу Плаксина.

Кеша вызов принял, только предварительно решил уточнить:

– Голой жопой?

– Абсолютно!

Кеша в обусловленном виде на большом муравейнике

честно отсидел пятнадцать минут, после чего, надевая штаны, обратился к коллективу с неожиданным вопросом:

– А можно мне самогонку получить... деньгами?

Сидя на муравейнике, Кеша, вероятно, решил не делиться нелегко заработанным напитком с собутыльниками (а делиться пришлось бы – таков был для таких случаев давно установленный в Ободе неписанный закон), а главное, там, на муравьиной куче, видимо, под влиянием сильных ощущений ему вдруг захотелось начать новую жизнь, для которой нужны были деньги – хотя бы столько, сколько стоило в городе ведро самогонки.

За проявленное Кешей мужество компания согласилась заплатить деньгами, договор выполнила, и у Кеши впервые в жизни появились в кармане несколько крупных ассигнаций, которые он гордо стал именовать «первоначальным капиталом», ибо в мыслях уже видел себя средней руки капиталистом.

Получив деньгами, Кеша хотел взять в аренду торговое место в городском гастрономе – отдавали четыре квадратных метра, – чтобы продавать там... он так и не успел сообразить, что будет продавать на тех метрах, потому что гастроном вдруг затребовал денег больше «первоначального капитала», а добавить недостающую часть лучший друг Кеши Степа Замойский отказался.

Кеша заметно захмелел.

– Деньги я заработаю в лотерею, – мечтательно сказал он, опять устремив взгляд в низкий фанерный потолок будки.

– Лотерея – налог на дураков. Да и билеты там не бесплатные. Ты купил билеты?

– Купил... Один.

Выпили еще по порции.

Степа хотел быстрее опьянеть, надеялся, что, пережив встряску алкоголем, он потом осилит и угнетавшее его состояние депрессии. Но водка почему-то *не брала*. Друзья сняли с полки и почти опорожнили уже третью бутылку, а голова у Степы, как назло, с каждой минутой работала все яснее.

– Мы с тобой, Кеша, дураки. Думаем, говорим о деньгах, а в это время в космосе...

Кеша тоже вспомнил, что жить им, наверно, осталось недолго, но он, в отличие от Степы, *был уже хорош* и потому сплетал языком что попало.

– Лев Николаевич Толстой, Степа, намекал...

В трезвом состоянии Кеша никогда не думал о знаменитых предшественниках, но, захмелев, на задворках своего мозга к собственному удивлению вдруг начинал улавливать когда-то слышанные в школе имена и даже некоторые цитаты. Когда он внезапным озарением вслух начинал делиться с теми, кто в это время был с ним рядом, он никогда не употреблял слов «писатель рассказывает», «рисует», «изображает», «учит», все эти слова заменял одним словом – «намекает».

Степа, не выслушав мысль Льва Николаевича в интерпретации Кеша, перебил друга:

– А вот известный тебе Николай Островский, он же Павка Корчагин, в свое время «намекал»: жизнь человеку дается один раз...

Кеша замолк; через некоторое время он уже пел, фальшивя, популярную песню о том, как он любит жизнь и хотел бы надеяться на ее взаимность.

Степа тоже стал думать о жизни. Перебирая в памяти пятьдесят шесть прожитых лет («а продолжения, возможно, уже и не будет»), он честно признавался себе, что жизнь свою он потратил зря и был на этом свете несчастливым и лишним...

Уже в детстве ему хотелось стать богатым, хотя он тогда и не понимал, зачем это надо. В детсадике из двух конфет, которые детям полагались на ужин, он одну конфетку прятал в штаны, потом выменивал за нее серебряную двадцатикопеечную монетку, которую прятал уже глубже – в маленький кармашек трусов. Капиталиста из Степы в те годы не получилось: накопленные мучительной экономией монеты (маленький Степа, как на зло, любил сладкое) однажды во время послеобеденного «мертвого часа» исчезли вместе с трусами... Школьником он накопил монеток уже целую банку из-под майонеза, хранил их в земле возле дома, но и этот капитал Степа не устерег от зорких глаз соседей... К тому време-

ни, когда Замойский уже работал токарем ремонтного цеха на местном заводе железобетонных изделий, он твердо знал, что экономия – пустой способ разбогатеть; богатым можно стать тремя путями: деньги надо или украсть, или отобрать, или заработать. Легче всего, конечно, было украсть, но Степа самокритично сознавал: для того, чтобы не *попасться*, у него пока мало ума; второй путь тоже не подходил – вырос Степа узкоплечим, несильным недомерком. Оставался третий, самый трудный, способ, и Степа стал думать, как на своем стареньком станке выточить деталей больше, чем полагалось по норме. И однажды за месяц он получил из кассы не сто восемьдесят рублей, а – *согласно выработке* – на пятьдесят рублей больше. При этом Степа еще не раскрыл всех придуманных им производственных секретов, что вдохновило его на очередном производственном собрании нагло заявить сидевшему в президиуме директору завода Мыслюкову (нынешнему мэру Обода):

– Я, Петр Иванович, взял социалистическое обязательство каждый месяц зарабатывать денег не меньше, чем получаете вы.

Это была Степина ошибка. На другой день после совещания в ремонтный цех пришел нормировщик из отдела труда, с секундомером в руке повертелся вокруг станка Степы, и после этого норма у токаря повысилась ровно настолько, чтобы, несмотря на все придуманные им секреты, он опять за месяц получал, как и раньше, только 180 рублей. Сте-

па на самоуправство нормировщика пожаловался директору, а в ответ услышал: «Мы не можем позволить предприятию перерасход фонда заработной платы». Выйдя из кабинета Мыслиюкова, Степа плюнул на директорский порог и в тот же день украл на заводе небольшой ящик гвоздей.

Когда вечером, растревоженная недобрыми предчувствиями, в будку пришла Маня (она открыла запертую дверь своим ключом), муж ее Степа, положив голову на табуретку, одним глазом слушал исповедальную речь друга Кеши:

– Понимаешь, Степа, лезу в погреб, вижу – некоторые клубни картошки почти сгнили. Ну, я их, чтоб не догнили, беру, варю. Через несколько дней лезу в погреб и вижу новые подгнившие клубни. Тоже спасаю. И так всю зиму ем гнилую картошку...

Маня напоила обоих капустным рассолом, а недопитую бутылку водки с табуретки убрала.

6.

В разноцветной гамме чувств, которые испытал город в те тревожные дни, были разные *оттенки* и *нюансы*. Мужественнее всех телевизионную новость воспринял учитель физкультуры школы номер два Саня Папилов, объяснивший свое мужество, как он любил теперь часто повторять, «перманентной позицией»:

– Телевидение всегда врет.

А кассир городской жилищно-коммунальной конторы верующий Поддубин, человек неулыбчивый и желчный, назвал новость даже «благостной» (некоторые ободовцы объяснили это так: «Ему хорошо, он, как верующий, после катастрофы попадет в рай»). На вопрос горожан – тех, что подходили к окошку кассы осуществлять коммунальные платежи, – не знает ли он, почему возник обещающий конец Света природный катаклизм, кассир охотно откладывал лежавшие перед ним бумаги и заинтересованно отвечал:

– Потому что, господа, Богу надоели ваши глупости – коммунизм, госплан, госснаб, мировая революция, руководящая роль партии...

– Так вроде уже нет ни госплана, ни госснаба, ни руководящей роли, – неуверенно возражали «господа», – а «кусоч» летит.

– Надо, – туманно разъяснял Поддубин, – чтобы прошла эпоха наказания, потом последуют эпохи покаяния и очищения.

– А за это время «кусоч»...

– А как вы хотели?! – вдруг взрывался бухгалтер, – семьдесят лет поклонялись Дьяволу и думали, что это вам *так* пройдет?

Жители Обода пугались еще сильнее, чем были напуганы до этого разговора через окошко, и не замечали некоторых логических неувязок в пророческих словах Поддубина.

Глава третья

Грех и воздаяние

1.

Возвратимся (ненадолго, читатель) к первому дню нашего рассказа, когда все еще было, как всегда.

...Все реже постукивали в окно капли в середине дня вдруг обрушившегося на город, но к вечеру почти исчерпавшего себя весеннего дождя. Через открытую форточку в комнату, где за письменным столом продолжал работать уже знакомый нам ободовский «летописец», вливался свежий прохладный воздух, пахший где-то недалеко расцветшей сиренью. Тяжелая мраморная лампа с зеленым абажуром ярким пятном освещала письменный стол, стопку белой бумаги, лежавшей с левой стороны стола, и низко склоненную над рукописью фигуру человека...

Чуть стемнело, когда на скамейку, стоявшую на улице почти прямо под балконом грушинской квартиры, села и весело защебетала кучка молодых людей. Минуту похихикав, они вдруг – один из парней в это время громко застучал сразу по всем струнам гитары – стали дергаться подбородками

и руками-ногами и запели. Во всю мощь половозрелых глоток повторяли: «Ты меня встретил *и*, ты меня встретил *и*...». Оторвавшись от рукописи, Павел Петрович стал прислушиваться к словам и старался уловить смысл песни, но через минуту рассердился на себя за это глупое занятие, подумал. «Когда-то поэты писали *стихи* к песням, потом *слова* к песням; сейчас дело дошло, кажется, до *надписей на заборах*»... Невольно слушая все более раздражавший его концерт, летописец сел в кресло у открытого окошка и стал думать о том, откуда пришла, заполонила все клубы, эстрадные площадки, порой даже целые стадионы эта, похожая на наркотическую, дурь. И неожиданно пришел к выводу (Грушин принадлежал к тому типу людей, которые даже в размышлениях о пустяках непременно стремятся *прийти к выводу*): возникновение попсы было объективно неизбежным.

«В последние десятилетия в мире нарушилась стабильность жизни, во взаимоотношениях людей, наций, государств заметно усилилась агрессивность: все чаще на «шарике» стреляют, насилуют, убивают, терроризируют – «шарик» делает некий недобрый зигзаг, смысл и целесообразность которого объяснят, может быть, будущие поколения... Произведения нынешней «музыкальной» эстрады – в диких звуках, примитивности смысла, непристойных кривляньях, – не так простодушны, как может показаться: они наполнены энергией агрессии, воспитывают жестокость, в помощь и оправдание этой жестокости призваны ослабить *человече-*

ское в людях... Попса неизбежно должна была возникнуть в современной мире, она – индикатор, предупреждающий: в «королевстве», господа, не все в порядке»...

Павел Петрович вздохнул, посмотрел на часы, потом откинулся на спинку кресла и с помощью дистанционного пульта включил стоявший в ближнем углу телевизор «Панасоник». И среди передававшихся в ту минуту вечерних новостей услышал сообщение о приближающейся к Земле космической катастрофе. Чтобы узнать, что думает по этому поводу цивилизованная Европа, он переключился на канал «Евроньюс», прослушал всю получасовую программу, но зарубежье об открытии ученого молчало – или ничего о нем пока не знало, или, втайне вынашивая очередной коварный замысел, умышленно скрывало новость.

«Только *этого* нам не хватало»...

«Летописец» выключил телевизор, опять взял было со стола шариковую ручку, но к этой минуте что-то необходимое для того, чтобы *сочинять*, пропало в нем – улетучился некий кураж, который Павел Петрович испытывал во время успешной творческой работы (может быть, то были минуты, которые иные пишущие называют творческим вдохновением, но скромный Грушин считал, что вдохновение бывает только у крупных талантов, а рядовые литераторы, такие, как он, испытывают нечто попроще, – кураж). Отложив ручку, Грушин тупо смотрел в стол, без конца пил крепкий кофе, не раз выходил на балкон и, как первобытный заблудивший-

ся в океане мореход, подолгу смотрел на звезды. Очередной белый лист медленно заполнялся неуверенно написанными строчками, большинство из которых тотчас же и зачеркивались за неточностью или необязательностью.

Перечитав написанное за день, Павел Петрович поправил в рукописи несколько фраз, выпил на кухне еще одну чашку крепкого кофе и, чтобы освежить голову, вышел на улицу.

2.

В это время в городском сквере сидел на скамейке и грустно улыбался своим мыслям местный аптекарь Михаил Михайлович Гурсинкель.

Это был хорошо известный в городе человек – ободовцы всегда легко узнавали его на улицах и искренне уважали, но вовсе не за пилюли, которые иногда спасали горожан от незначительных хворей. Авторитет и популярность Гурсинкеля утвердились благодаря его двум не имевшим отношения к медицине увлечениям. Михаил Михайлович, во-первых, сочинял маленькие рассказы (называл их *миниатюрами*), которые по воскресеньям печатались в местной газете под рубрикой «Из жизни животных». Рассказы, как выразились бы иные критики, к сожалению, не несли на себе печати даже незначительных литературных достоинств (все *миниатюры* начинались одинаково: «Однажды моя сука породы боксер по имени Леда», «Однажды мой хомяк по имени Са-

могон», «Однажды моя сиамская кошка по имени Агата»...), но ободовцы воскресные номера «Ничего кроме правды» в последнее время начинали читать именно с уголка, заполненного очередным сочинением аптекаря – может быть, потому, что в той жизни, какой они теперь жили, любви к «меньшим братьям» у них было больше, чем интереса к людям... Во-вторых, аптекарь знал много анекдотов и охотно их рассказывал, что тоже нравилось ободовцам, которые в большинстве своем не лишены были чувства юмора и любили посмеяться...

Когда Гурсинкель увидел подходившего к скамейке Грушина, он поднялся навстречу летописцу и предложил тому сесть рядом с ним – «чтобы, Паша, обсудить последнее телевизионное известие, которое ты, надеюсь, тоже уже слышал». Пожимая протянутую руку, Павел Петрович подтвердил, что «слышал», и охотно сел. И только на скамейке вдруг почувствовал, как, целый день просидев за письменным столом, он смертельно устал.

Аптекарь на длинном породистом носу поправил тяжелые очки:

– И какое у тебя, Паша, мнение?

Вопрос был лишним, Гурсинкель задавал его *для приличия*: в ту минуту его мало интересовало чье-либо мнение о телевизионной передаче, у него уже сложилось собственное, оригинальное и абсолютно правильное, мнение, которым он жаждал поскорее поделиться, благо, появился и достойный

слушатель. Павел Петрович понял все это по интонации, с какой прозвучал обращенный к нему вопрос, и в ответ решил отшутиться – изобразил на лице страшный испуг и прошептал прямо в приблизившееся к его лицу аптекарское ухо:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.